

Русские посессивные конструкции с нулевым и выраженным глаголом: правила и ошибки

В.Ю. Апресян

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

vapresyan@hse.ru

1. Введение¹.

В статье анализируются различия между русской посессивной конструкцией с глаголом *быть* в нулевой форме (*У Васи голубые глаза*) и со словоформой *есть* (*У Васи есть домик в Болгарии*).

Этим псевдосинонимичным конструкциям посвящена огромная лингвистическая литература. Упомянем в первую очередь работу [Селиверстова 1973], где подробно разбираются семантические отличия посессивной конструкции в реализации с нулевым глаголом от ее реализации со словоформой *есть*; работу [Chvany 1975], где формулируются коммуникативные и истинностные ограничения на предложения с нулевым глаголом и *есть*; работы [Арутюнова 1976] и [Арутюнова, Ширяев 1983], где посессивная конструкция рассматривается в более широком контексте бытийных предложений; работы [Апресян 1995, 2014], где формулируются сочетаемостные лексические классы, характерные для каждой из реализаций конструкции, а также расширяется их семантическое описание; работу [Янко 2001], где предлагается семантическая классификация предложений с разными реализациями посессивной конструкции; работу [Мелиг 2004], где русская конструкция сравнивается с соответствующей немецкой конструкцией с глаголом *haben*, работу [Korotev 2007], где русские синтаксические нули сравниваются с финскими.

Кроме того, русская посессивная конструкция с нулевым и выраженным глаголом упоминается с разной степенью подробности в работах [Тестелец 2008], [Падучева 2013], [Летучий 2016], [Korotev 2015], где русский нулевой глагол *быть* анализируется в типологическом и сравнительно-историческом аспекте, и некоторых других.

Однако в данной работе семантические, прагматические и коммуникативные особенности псевдосинонимичных посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом рассматриваются под иным углом зрения, а именно, в контексте ошибок, которые допускают в их употреблении студенты, изучающие русский язык в качестве иностранного, а также эритажные носители русского языка².

В работе анализируются данные подкорпуса академического письма Русского учебного корпуса (Russian Learner Corpus - RULEC), где представлены тексты эритажных носителей русского языка, а также продвинутых англоязычных студентов, изучающих русский язык (уровни Upper Intermediate и Advanced). Всего рассматривается 400 примеров употребления посессивной конструкции с нулевым и выраженным глаголом (все примеры на употребление этих конструкций с расстоянием один между ее слотами, которые встретились в данном корпусе); ошибки отмечаются в 32 из них. Цель исследования состоит в том, чтобы уточнить семантические и прагматические правила, регулирующие употребление обеих конструкций, а также установить корреляцию между характером этих

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Мультиязыковая база данных синонимов: теоретические и компьютерные модели» (№ 16-05-0054) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² О языковых процессах в языке эмиграции см. [Гловинская 2000, 2001, 2005]; об эритажном русском языке см. [Выренкова, Полинская, Рахилина 2014].

правил, с одной стороны, и частотой и характером ошибок в их употреблении иностранцами и «эритажниками», с другой.

Работа состоит из следующих частей:

- Правила употребления посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом.
- Ошибки в употреблении посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом.
- Анализ корреляций между типами правил и типами ошибок.

2. Правила употребления посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом.

2.1. Семантические правила

Наиболее общие семантические правила употребления этих посессивных конструкций сформулированы в работах [Селиверстова 1973: 97], [Апресян 1995:522-524], [Янко 2001: 310].

Согласно [Селиверстова 1973], посессивная конструкция *у X-а есть Y* сообщает о наличии, существовании объекта *Y* у человека *X*; ср.

(1) *У вас есть что-нибудь в кармане?*

С этим связано прагматическое ограничение на употребление определения в конструкции *с есть*; ср. контрастные примеры из цитированной работы³:

(2) **У вас есть хорошая дочь?*

(3) *У вас есть дети дошкольного возраста?*

Конструкция *у X-а Y*, согласно [Селиверстова 1973], в первую очередь передает информацию о том, *какой именно Y* имеется у *X-а*:

(4) *Что у вас в кармане?*

(5) *У него хорошая жена.*

Похожим образом различия между конструкциями описываются в работе [Chvany 1975], где формулируется ограничение на семантическую структуру фраз с нулем и *есть*: у первых идея обладания находится в пресуппозиции, у вторых – в ассерции.

В работах [Апресян 1995:523] эти семантические правила уточняются для разных лексико-семантических классов объектов: «в сочетании с названиями инструментов и средств возможно противопоставление: первая чаще выражает значение актуального

---

³ Необходимо отметить, что это касается не всех семантических классов объектов; так, совершенно нормальна фраза *У вас есть хорошие студенты?*

обладания, а вторая – значение обладания вообще; ср. *У него пластиковые лыжи (и поэтому он так быстро бежит) – У него есть пластиковые лыжи*»; ср. об этом противопоставлении также [Korotev 2007].

В работе [Янко 2001:310] противопоставление актуального и постоянного обладания описывается в терминах «явление» vs. «сущность».

В любом случае, как нам кажется, противопоставление идеи обладания и идеи признака имеющегося объекта сохраняется: во фразе со словоформой *есть* подчеркивается идея обладания, во фразе с нулем подчеркивается признак объекта.

Однако если конструкция *у X-а есть Y* всегда выражает смысл наличия и обладания, что определяет и другие ее лингвистические особенности, то для конструкции *у X-а Y* функция характеристики имеющегося объекта является лишь частотной, но не единственной возможной. Ср. следующие примеры, где эта конструкция выражает смысл наличия:

(6) *У меня к нему дело.*

(7) *У него болезнь Альцгеймера.*

Таких примеров много, и некоторые семантические классы объектов требуют употребления конструкции с нулем (например, большинство болезней); при этом, даже с определением, эти фразы являются именно утверждениями о наличии, а не о признаке объекта [см. Апресян 2014]:

(8) *У нее обширный инфаркт* ≠ ‘ее инфаркт – обширный.

Таким образом, конструкция с нулем может иметь три интерпретации – характеризовать **признак** имеющегося объекта (*У него голубые глаза*), сообщать о **постоянном обладании** объектом (*У него дом в Ницце*) и сообщать об **актуальном обладании** объектом (*У меня одноразовый стаканчик*).

При употреблении с определением конструкция *у X-а есть Y* предполагает, что у X-а обязательно есть и другие представители класса Y [см. об этом Селиверстова 1973: 97, Арутюнова 1976, Арутюнова, Ширяев 1983: 8, Падучева 2013: 120], что создает идею контраста и противопоставления; ср.:

(9) *У него есть хорошие студенты* [есть и плохие].

Конструкция *у X-а Y* не предполагает, что у X-а есть и другие представители класса Y:

(10) *У него хорошие студенты* [по умолчанию понимается, что все студенты хорошие];

Однако она не исключает этого полностью:

(11) *У него в целом хорошие студенты, но есть и плохие.*

Таким образом, можно сказать, что семантически конструкция со словоформой *есть* более маркирована, поскольку выражает всегда лишь один смысл, а конструкция с нулем – более нейтральна, поскольку может выражать разные смыслы [о маркированности конструкции с *есть* см. Селиверстова 1973].

2.2. Коммуникативные правила

В разных работах также отмечается, что глагол *есть* и вся идея наличия в конструкции с ним является новой и легко поддается контрастной рематизации [Селиверстова 1973: 97, Арутюнова 1976: 275-276, Апресян 1995:234]; ср. контрастное акцентное выделение во фразе:

(12) *У меня ЕСТЬ эта книга.*

При рематизации и противопоставлении наличия отсутствию становятся возможны и некоторые фразы с *есть*, неуместные в нейтральном контексте:

(13) *У меня был и, наверное, еще ЕСТЬ грипп,*

при невозможности

(14) **У меня есть ГРИПП.*

В коммуникативно нейтральных контекстах в сочетании с названиями болезней используется конструкция с нулевым глаголом:

(15) *У меня грипп.*

Конструкция с нулем относительно идеи наличия коммуникативно не маркирована; информация о наличии объекта может быть как новой, так и старой:

(16) *У него большая квартира* (информация о наличии известна, новая информация – характеристика объекта обладания).

(17) *У него проблемы* (информация о наличии новая).

Таким образом, можно сказать, что с точки зрения актуального членения конструкция со словоформой *есть* также более маркирована.

2.3. Сочетаемость правила

Сочетаемость правила употребления обеих конструкций подробно описаны в работе [Апресян 2014]. Ниже приводятся обобщенные данные из этой работы:

Таблица 1. Сочетаемость конструкций со словоформой *есть* и выраженным глаголом с разными семантическими типами объектов по работе [Апресян 2014].

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Неподвижный или необычный объект: <i>дом</i>	<i>У него есть дом на море</i>	<i>У него дом на море</i>
Личный утилитарный объект: <i>чашка, ложка</i>	<i>У него есть деревянная ложка</i> (постоянное обладание)	<i>У него деревянная ложка</i> (актуальное обладание)
Время как ресурс: <i>пять минут</i>	<i>У меня есть пять минут на это дело</i>	<i>У меня ровно пять минут на это дело</i>
Время как период: <i>детство</i>	* <i>У него есть счастливое детство</i>	<i>У него счастливое детство</i>
Ненормальное состояние:	<i>У него ЕСТЬ лихорадка</i> (только с	<i>У него лихорадка</i>

<i>лихорадка</i>	глаголом в качестве контрастной ремы)	
Нормальное состояние: <i>мнение</i>	<i>У него есть мнение</i>	<i>У него другое мнение</i>
Части тела: <i>глаза, ноги</i>	<i>*У него есть голубые глаза</i>	<i>У него голубые глаза</i>

Как видно из этой таблицы, для конструкции со словоформой *есть* невозможно сочетание с названиями периодов времени и частей тела, а также ограничена сочетаемость с названиями ненормальных состояний. Относительно сочетаемости с классом личных утилитарных объектов отмечается, что в конструкции с *есть* речь идет о постоянном обладании, в то время как в конструкции с нулем описывается актуальное обладание:

(18) *У него деревянная ложка, ему неудобно есть, дай ему обычную.*

Для конструкции с нулем запрещенных семантических классов нет (однако есть ограничение на употребление без определения), т.е. и в этом отношении она, в отличие от конструкции с выраженным глаголом, не является маркированной.

Представляется, что правила сочетаемости, описанные в работе в словарной статье глагола *быть* [Апресян 2014] можно несколько уточнить.

2.4. Неподвижные объекты (объекты недвижимой собственности)

Так, рассмотрим сочетаемость в семантическом классе неподвижных объектов. Без определения и вне контекста конструкция с нулевым глаголом в этом классе несколько затруднена:

(19) *У него есть дом.*

(20) *?У него дом.*

Однако с определением нулевая связка возможна:

(21) *У него каменный дом.*

(22) *У него дом на море.*

Ср. также *У Жени загородный особняк* [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки 2004]; *Но жили дружно, хотя и трудно. Зато теперь у нас настоящие хоромы* [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)].

С чем связано это ограничение? Основное семантическое правило употребления конструкции с нулем состоит в том, что она обычно вводит в качестве новой информацию о свойствах имеющегося объекта. Следовательно, в предложении должно присутствовать указание на это свойство, которое естественно вводится определением; фраза (23) может быть интерпретирована как высказывание о свойствах дома:

(23) *У него каменный дом ≈ Его дом каменный,*

Но фразу (24) более естественно интерпретировать другим образом, а именно как высказывание о наличии у него дома на море, а не о свойствах его дома:

(24) *У него дом на море ≠ Его дом на море.*

Эта разница в интерпретации связана со следующим: во фразе (23) речь идет об обычном доме, о жилище человека, наличие которого предполагать естественно. Поэтому информация о наличии у человека какого-то жилища является известной и естественным образом входит в тему (хотя может и рематизироваться в конструкции с *есть*), а указание на тип дома (*каменный, деревянный*) – новая информация, входящая в рему.

Что касается *дома на море*, то это нетривиальный объект недвижимой собственности, наличие которого заранее не предполагается и поэтому вводится в качестве новой информации.

Таким образом, правило сочетаемости можно уточнить: конструкция с *есть* может употребляться как с определением, так и без, а конструкция с нулем – обычно с определением.

При этом если речь идет об обычном объекте, то указание на объект входит в тему, а определение – в рему, в сочетании же с нетривиальными объектами ремой является указание на наличие объекта с признаком.

2.5. Утилитарные личные объекты

Для класса утилитарных личных объектов также релевантно противопоставление употребления с определением и без него: а именно, конструкция с нулем требует определения. Однако, поскольку сам класс объектов принципиально иной, узусные различия между конструкциями реализуются несколько иначе.

Конструкция с нулем при употреблении с классом утилитарных личных объектов, как отмечается в работах [Апресян 1995, 2014] часто интерпретируется как указание на актуальное обладание (см. также выше):

(25) *У него теплая куртка, ему жарко* [Он сейчас одет в теплую куртку].

Ср. также *У мужчины зелёный кафтан и серебряные серьги, на руках он держит восхищённого ребёнка* [Б. Л. Пастернак. Воздушные пути (1924)].

Для объектов недвижимости такая интерпретация прагматически менее вероятна, поскольку они по самой своей природе являются объектами постоянного обладания, хотя возможно сконструировать контексты с интерпретацией актуального обладания (например, аренды):

(26) *У него сейчас маленькая квартира, неудобно там праздновать день рождения.*

При этом для класса личных утилитарных объектов также важно противопоставление тривиальных и нетривиальных объектов. Так, нетривиальные объекты не требуют определения в конструкции с выраженным глаголом:

(27) *У нее есть украшения.*

Употребление обозначений тривиальных объектов без определения в конструкции с выраженным глаголом прагматически затруднено, поскольку странно специально фиксировать наличие такого объекта, который в норме имеется у всех:

(28) *?У нее есть ложка* (если только речь не идет об актуальном обладании).

Отличие от класса объектов недвижимости здесь состоит в том, что постоянное владение даже тривиальными объектами недвижимости (типа *квартиры*) в целом менее ординарно, чем владение тривиальным личным утилитарным объектом типа *зубной щетки* или *ложки*, поэтому фиксировать их наличие прагматически оправдано:

(29) *У него есть квартира.*

2.6. Время как ресурс и другие ресурсы

В классе время как ресурс конструкция с нулем также требует уточняющего определения (количественного, целевого и пр.), в отличие от конструкции с *есть*, которая его не требует, но допускает:

(30) *У меня есть минута.*

(31) *?У меня минута.*

(32) *У меня ровно минута на этот разговор.*

(33) *У меня есть ровно минута на этот разговор.*

Ср. также *У меня только полчаса, потом свидание* [Маша Трауб. Не вся la vie (2008)]; *У меня была минута на принятие решения* [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)].

Вообще класс время как ресурс может быть расширен до более общего класса ресурсов, для которого в целом предпочтительно употребление в конструкции со словоформой *есть*, поскольку идея ресурса семантически и прагматически связана с идеей наличия, центральной для данной конструкции. Ср.

(34) *У меня есть деньги.*

(35) *У меня есть время.*

(36) *У нее есть возможность поехать за границу.*

(37) *У граждан есть право избирать и быть избранным.*

В некоторых контекстах может быть употреблена и конструкция с нулем, особенно при наличии определения. При этом, если речь идет о материальных ресурсах, то реализуется интерпретация актуального обладания:⁴

(38) *Платит он, у него все деньги* (актуальное обладание).

---

⁴ В работах [Апресян 1995, 2014] отмечается переход посессивной интерпретации в локативную при изменении порядка слов: *У него пять собак* vs. *Пять собак у него*. Такое изменение практически всегда дает смену интерпретации. Очевидно также, что при изменении интерпретации с посессивной на локативную меняется и денотативный статус именной группы, обозначающей объект обладания, с родового на конкретный и определенный.

Ср. также — *У нас сегодня курица, пообедай с нами* [Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)]. Фраза *У нас есть курица* скорее бы воспринималась как утверждение о постоянном обладании домашней птицей, а не об актуальном обладании блюдом из нее.

С нематериальными ресурсами смены интерпретации обычно не происходит:

(39) *У него большие возможности.*

(40) *У граждан прав больше, чем у резидентов.*

Ср. также *Дело в том, что завод не в состоянии поставлять агрегаты для производства и старой "Нивы", и новой— у нас ограниченные мощности* [Петр Меньших, Владимир Каданников. В Тольятти придут инвесторы... (2003) // «За рулем», 2003.05.15]. Ср., впрочем, фразу *У меня много времени*, которая может указываться и на постоянное, и на актуальное обладание.

2.7. Время как период и другие атрибуты

В работе [Апресян 2014] отмечается, что в сочетании с классом время как период конструкции с выраженным и нулевым глаголом ведут себя совершенно иначе, чем с классом время как ресурс. Это связано с тем, что обозначения времени как периода жизни (*счастливое детство, веселая юность, спокойная старость*) принадлежат к совершенно иному общему семантическому классу – классу уникальных тривиальных атрибутов человека; ср. [Kopotev 2007] о классе ‘inalienable possession’.

Это на первый взгляд противоречивое определение предполагает, что, с одной стороны, подобные атрибуты свойственны всем людям и с этой точки зрения они являются тривиальными. Подобно тому как *зубная щетка* или *ложка* – ожидаемый, тривиальный объект обладания, *детство, имя и фамилия, рост, возраст* – атрибуты, свойственные всем людям.

С другой стороны, эти атрибуты уникальны, т.е. у каждого человека есть не больше одного такого атрибута: одно *детство*, один *рост*, один *возраст* (имя и фамилия устроены немного иначе, поскольку бывают двойные имена и фамилии, однако в целом для русской культуры это также уникальный атрибут).

Этими семантическими особенностями объясняется их сочетаемость: а именно, фокусировать внимание на наличии тривиального атрибута странно, поэтому без определения эти атрибуты не употребляются ни с выраженным глаголом, ни тем более с нулем:

(41) *?У него есть фамилия.*

(42) **У него фамилия.*

Что касается употребления с определением, для конструкции с *есть* оно невозможно, поскольку эти атрибуты уникальны, а конструкция с *есть* при наличии определения предполагает множественность объектов (см. выше):

(43) **У него есть русская фамилия* [предполагает, что есть и нерусская фамилия].

Таким образом, для этого подкласса атрибутов возможно только употребление в конструкции с нулем при наличии определения:

(44) *У него русская фамилия.*

Другой подкласс атрибутов составляют уникальные, но нетривиальные атрибуты, наличие которых у каждого человека не является очевидным и, соответственно, может служить новой информацией в высказывании, типа *семьи, работы, хобби* и т.п. Естественно, различие между тривиальными и нетривиальными атрибутами, как и между тривиальными и нетривиальными объектами обладания носит прагматический и, следовательно, не абсолютный характер. Возможность употребления в посессивных конструкциях с определением и без него внутри этого подкласса сильно варьирует в зависимости от степени тривиальности и уникальности объектов.

Так, для атрибута типа *семья*, который не слишком нетривиален (у многих людей есть семья) и достаточно уникален (у большинства людей одна семья), сочетаемость устроена следующим образом: естественно употребление в конструкции с *есть* без определения и в конструкции с нулем при наличии определения:

(45) *У него есть семья.*

(46) **У него есть большая семья* [предполагает, что есть и другая - маленькая].

(47) *У него большая семья.*

(48) *?У него семья.*

Если взять менее тривиальный и одновременно менее уникальный объект типа *любовница*, то условия употребления несколько сдвинутся, а именно, станет возможным употребление с *есть* и определением, а также употребление с нулем без определения:

(49) *У него есть любовница.*

(50) *У него есть любовница-француженка* [предполагается, что есть любовницы и с другой этнической принадлежностью].

Ср. также фразу *Элеонора осторожно наводила Маргариту на мысль, о том, что у Танкреда есть новая любовница* [Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)], где *новая любовница* противопоставляется *старой* или *прежней любовнице*.

Фразы с нулем пресуппозиции существования других подобных объектов не содержат:

(51) *У него любовница.*

(52) *У него любовница-француженка.*

Интересно, что в классе нетривиальных и неуникальных атрибутов типа *друг* ограничения на употребление с *есть* несколько другие, а именно, они свободно употребляются с определением: *У меня есть хорошие друзья, У него есть могущественные враги.*

Что касается конструкции с нулем, то ее ограничения определяются степенью нетривиальности атрибута: чем он нетривиальнее, тем свободнее употребление с определением в значении обладания, чем он тривиальнее, тем вероятнее употребление с определением в интерпретации характеристики признака; ср. *У нее враги* (нетривиальный атрибут, обладание) vs. *?У нее знакомые* (тривиальный атрибут). Ср. также *У нее*

интеллигентные знакомые (характеристика признака) vs. *У нее враги? Откуда?* (Георгий Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988) (обладание).

2.8. Части тела

Части тела, обычно выделяемые в отдельный сочетаемостный класс, на самом деле составляют подкласс уникальных тривиальных атрибутов, подобно *детству*, *фамилии* или *росту*. Поэтому они предполагают аналогичные ограничения на использование посессивных конструкций. Употребление конструкции с *есть* прагматически странно без определения, поскольку о наличии частей тела в качестве нового сообщать странно, более естественно сообщать об их отсутствии; ее употребление с определением невозможно, т.к. предполагает, что наряду, например, с голубыми, у человека есть какие-то еще глаза:

(53) ?? *У него есть глаза.*

(54) * *У него есть голубые глаза.*

Конструкция с нулем невозможна без определения, т.к. часть тела не является нетривиальным атрибутом и поэтому естественна с определением:

(55) * *У него глаза.*

(56) *У него голубые глаза.*

2.9. Нормальные физические состояния

В сочетании с классом нормальных физических состояний конструкция с нулем требует определения, а конструкция с *есть* его не допускает; ср.:

(57) *У него хороший аппетит.*

(58) *У него есть аппетит.*

Ср. также следующие фразы с нулем и невозможность употребления в них конструкции с *есть*: *Сколько же у детей энергии, а в изобретении шалостей они просто неутомимы* [Срочно требуется организатор досуга // «Лиза», 2005]; — *У вас мало энергии, мало любви к делу* [Максим Горький. Жизнь ненужного человека (1908)].

2.10. Нормальные ментальные состояния

В сочетании с классом нормальных ментальных состояний конструкция с нулем также требует определения, а конструкция с *есть* его не допускает; ср.:

(59) *У меня есть мнение.*

(60) * *У меня мнение.*

(61) *У меня другое мнение.*

(62) ?? *У меня есть другое мнение.*

Эти ограничения связаны с классом объекта. Наличие нормального ментального состояния естественно (как и наличие жилища), поэтому употребление конструкции с нулем невозможно, если только нет определения, которое формирует рему высказывания.

С другой стороны, поскольку конструкция с *есть* в контексте определения предполагает противопоставление наличия объекта с некоторым признаком наличию других подобных объектов с другими признаками, ее употребление затруднено.

Фраза типа *?? У меня есть другое мнение* предполагает, что у человека, помимо *другого мнения*, имеется какое-то еще – а мнение по одному поводу у одного человека обычно бывает одно.

2.11. Ненормальные физические и ментальные состояния

Единственный класс объектов, где конструкция с нулем может употребляться без определения – это разного рода нетривиальные объекты; чаще всего это разного рода ненормальные физические и ментальные состояния (физические дефекты, болезни, желательные и нежелательные нестандартные ситуации, нетривиальные неотъемлемые атрибуты и пр.):

(63) *У нее прыщи.*

(64) *У него болезнь Альцгеймера.*

При употреблении без определения конструкция с нулем указывает на обладание, что прагматически оправдано – владение нетривиальным объектом с точки зрения прагматики в большей степени достойно упоминания, чем владение тривиальным объектом. При употреблении с определением конструкция с нулем указывает на характеристику имеющегося объекта.

2.12. Ситуации

Для класса ситуаций важно противопоставление желательности и нежелательности. И желательные, и нежелательные ситуации являются нетривиальными объектами, поэтому допускают употребление конструкции с нулем, как с определением, так и без: *У него (большая) радость; У нее (большое) горе.*

При этом желательные ситуации чаще интерпретируются как объекты **актуального обладания** (*У него радость/счастье*), а нежелательные ситуации могут интерпретироваться и как объекты **постоянного обладания**:

(65) *У меня радость — Плятта выпустили из больницы* [Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)] (актуальное обладание).

(66) *У меня сейчас проблемы со связками, и врачи запретили мне разговаривать* [Юлий Молибога. Махание кулаками до и после драки. Скандал недели (2002) // «Известия», 2002.06.21] (актуальное обладание).

(67) *Октябрина Михайловна говорит, что у детей проблемы с родителями оттого, что дети не успевают застать своих родителей в нормальном возрасте* [Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)] (постоянное обладание).

Ср. также естественное *Всегда у него проблемы* vs. неестественное *У него всегда него радость*. По-видимому, это связано с тем, что обозначения положительно оцениваемых

ситуаций в принципе указывают на меньшую временную длительность, чем обозначения отрицательных, что может быть связано с их общей когнитивной оценкой как менее устойчивых. Однако это лишь предположение, которое нуждается в существенно более тщательной проверке.

При этом нежелательные ситуации воспринимаются, по-видимому, как более нетривиальные объекты, и поэтому их употребление с выраженным глаголом возможно без рематизации глагола *есть*, в то время как для желательных ситуаций употребление *есть* естественно, если в предложении присутствует контрастная рема:

(68) *Все-таки, видите, есть и у меня радости* [А. С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)].

Итак, правила сочетаемости для обеих конструкций и интерпретаций для конструкции с нулем (характеристики признака, постоянное обладание, актуальное обладание) можно уточнить и отчасти обобщить следующим образом:

Таблица 2. Сочетаемость конструкций со словоформой *есть* и выраженным глаголом с разными семантическими типами объектов

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Объект недвижимости: дом	<i>У него есть квартира</i>	Только с определением: <i>У него большая квартира</i> (характеристика признака)
Нетривиальный объект недвижимости: дворец	<i>У него есть дом на море/дворец</i>	<i>У него дом на море/дворец</i> (постоянное обладание)
Личный утилитарный объект: чашка, ложка	Чаще с определением: <i>У него есть золотая ложка</i> (постоянное обладание)	Только с определением: <i>У него золотая ложка</i> (актуальное обладание)
Нетривиальный личный утилитарный объект: украшения	<i>У нее есть украшения</i>	Только с определением: <i>У нее золотые украшения</i> (актуальное обладание)
Уникальный тривиальный атрибут	[?] <i>У него есть фамилия</i> [*] <i>У него есть русская фамилия</i>	Только с определением: <i>У него русская фамилия</i> (характеристика признака)
Время как период жизни (уникальный тривиальный атрибут): детство	^{??} <i>У него есть детство</i> [*] <i>У него есть счастливое детство</i>	Только с определением: <i>У него счастливое детство</i> (характеристика признака)
Уникальный нетривиальный атрибут	<i>У него есть семья/любовница</i> [*] <i>У него есть большая семья</i>	Более естественно с определением: <i>У него большая семья</i> (характеристика признака или постоянное обладание) Иногда возможно без определения: <i>У него любовница</i> (постоянное обладание)
Не-уникальный нетривиальный атрибут	<i>У него есть друзья</i> <i>У него есть хорошие друзья</i>	Только с определением: <i>У него хорошие друзья</i> (характеристика признака)
Обязательные части тела (уникальные тривиальные атрибуты): глаза, ноги	[*] <i>У него есть голубые глаза</i>	<i>У него голубые глаза</i> (характеристика признака)
Необязательные части тела (уникальные нетривиальные атрибуты): борода	Только без определения: <i>У него есть борода</i> [*] <i>У него есть длинная борода</i>	<i>У него борода</i> (постоянное обладание) <i>У него длинная борода</i> (характеристика признака или постоянное обладание)
Физические ресурсы	<i>У него есть деньги</i> <i>У меня есть бутерброды</i>	Только с определением: <i>У него все деньги</i>

		<i>У меня вкусные бутерброды</i> (актуальное обладание)
Не-физические ресурсы	<i>У него есть возможности</i> <i>У граждан есть права</i>	Только с определением: <i>У него большие возможности</i> <i>У всех граждан равные права</i> (характеристика признака или постоянное обладание)
Нормальное физическое состояние	<i>У него есть аппетит</i> <i>У него есть энергия</i>	Только с определением: <i>У него хороший аппетит</i> <i>У него такая энергия!</i> (характеристика признака, постоянное или актуальное обладание)
Нормальное ментальное состояние: <i>мнение</i>	<i>У него есть мнение</i> <i>У нас есть цель</i>	Только с определением: <i>У него правильное мнение</i> <i>У него благородные цели</i> (характеристика признака или постоянное обладание)
Ненормальное физическое или ментальное состояние: <i>болезнь Альцгеймера</i>	Только с контрастной ремой: <i>У него ЕСТЬ болезнь Альцгеймера</i>	<i>У него болезнь Альцгеймера</i> (постоянное обладание)
Физический дефект	<i>У нее есть прыщи</i>	<i>У нее прыщи</i> (постоянное обладание)
Нетривиальная желательная ситуация: <i>счастье</i>	Только с контрастной ремой: <i>У него ЕСТЬ радости</i>	<i>У него радость</i> <i>У него большая радость</i> (актуальное обладание)
Нетривиальная нежелательная ситуация: <i>проблемы</i>	<i>У него есть проблемы</i>	<i>У него проблемы</i> <i>У него большие проблемы</i> (актуальное или постоянное обладание)

Можно обобщить описанные правила следующим образом: конструкция с *есть* возможна только тогда, когда речь идет об объектах, обладание которыми является **нетривиальным фактом** – т.е. для исключены тривиальные атрибуты человека типа частей тела или периодов жизни.

Конструкция с нулем имеет три возможных интерпретации и поэтому возможна со всеми классами объектов, однако с разными интерпретациями:

- С тривиальными атрибутами человека типа частей тела или периодов жизни она имеет интерпретацию **характеристики признака**.
- С утилитарными объектами, ресурсами, нормальными состояниями и ситуациями она имеет **интерпретацию актуального обладания**.
- С разного рода нетривиальными атрибутами и объектами она имеет интерпретацию **обладания**, чаще постоянного, причем возможность ее употребления без определения коррелирует со степенью нетривиальности объекта – чем она выше, тем естественнее употребление без определения.

Интересно, что **отрицательно** оцениваемые и ненормальные сущности оказываются по этому критерию **более нетривиальными** объектами, чем положительно оцениваемые. Ср. естественные сочетания *У него проблемы/неприятности/горе*; *У нее бледность*; *У него маразм*; *У нее слабость*; *У него болезнь Альцгеймера* vs. менее естественные или странные *У него удача/счастье*, *У нее румянец*; ^{??}*У него ум*; [?]*У него энергия*; [?]*У него здоровье*.

Таким образом, как видно из таблицы, чистых семантических и лексических запретов не так много; в основном употребление обеих конструкций регулируется прагматическими правилами, поскольку оценка того, насколько объект является нетривиальным (*ложка vs. украшения, фамилия vs. семья*), уникальным и единственным (*семья vs. племянник*), ненормальным или нормальным (*насморк vs. аппетит*) зависит от конвенциональных импликатур, свойственных данному языку, а также от взглядов говорящего.

Кроме того, в большинстве случаев невозможность употребления снимается в каком-то контексте: для конструкции с нулем полные запреты вообще отсутствуют, введение определения, как правило, делает конструкцию возможной; для конструкции с выраженным глаголом полные запреты есть (употребление с названиями частей тела и других уникальных и неотъемлемых атрибутов), однако и она возможна для большинства семантических классов, причем в отличие от конструкции с нулем, во многих случаях предпочитает употребление объекта без определения.

2.2. Обобщение: правила использования посессивной конструкции с выраженным и нулевым глаголом

2.2.1. Конструкция у X-а есть Y

Конструкция у X-а есть Y без определения при Y имеет значение **обладания** и подчеркивает факт обладания в противоположность его отсутствию; связка *есть* легко рематизируется.

Поэтому конструкция у X-а есть Y не используется или неестественна в контекстах, когда речь идет о таких объектах, которые **в норме есть у всех** – в первую очередь, о частях тела и обязательных атрибутах человека; ср. ?? *У него есть глаза vs. У него есть борода*.

Конструкция у X-а есть Y с определением P при Y имеет значение обладания и подчеркивает факт наличия среди других типов Y-ов, которыми обладает X, Y-ов с признаком P, **в противоположность** другим Y-ам; связка *есть* и определение P легко рематизируются.

Поэтому конструкция у X-а есть P Y с определением не используется в контекстах, когда число объектов – один или другое малое число, или когда они не могут быть гетерогенными:

- (69) *У него есть семья, но не *У него есть хорошая семья.*
- (70) *У него есть седые волосы, но не *У него есть белокурые волосы.*
- (71) *У него есть зуб с кариесом, но не *У него есть больной глаз.*
- (72) *У меня есть свободные минуты, но не *У меня есть счастливая старость.*
- (73) *У него есть докторская степень, но не ?? У него есть фамилия.*

2.2.2. Конструкция у X-а Y

Конструкция у X-а Y обычно вводит идею обладания объектом в качестве известной, а **характеристику объекта** – в качестве новой. Это объясняет ее частое использование с

определением: *У него большая квартира*. Это объясняет невозможность ее употребления в контекстах, где в фокусе внимания – факт обладания: **У него деньги на покупку дома*.

Использование без определения возможно, если речь идет о **нетривиальных объектах**; тогда подчеркивается **факт обладания**: *А у папы у ее дача в Павшине* (А.Галич); *У него инфаркт*; *У него бред*. Если объект тривиальный (например, нормальное ментальное состояние), то использование без определения странно: *?? У меня мнение*; ср. *У меня другое мнение*.

3. Ошибки в употреблении посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом.

3.1. Ошибки вида «выраженный глагол вместо нулевой связки»

Во всех примерах из RULEC мы указываем в скобках статус «автора» ошибки – L2 (студент, изучающий русский язык как иностранный) или L1 (эритажный носитель языка). Ошибка выделяется подчеркиванием.

Первоначальная гипотеза состояла в том, что ошибок замены нулевой связки, отсутствующей в основном языке информантов (английский) на выраженный глагол (который стандартно употребляется в посессивной конструкции в английском), будет больше, чем обратных – замены выраженного глагола нулевым. Однако в противоположность ожиданиям, замен нулевого глагола на выраженный встретилось немного. Три нижеследующих примера, которые воспринимаются как наиболее грубые ошибки, принадлежат информантам, изучающим русский язык как иностранный:

- (74) **Моя сестра Лорен и я звучат очень хорошо, когда мы поем вместе, потому что у нас есть похожие голоса* (L2).
- (75) **Я люблю посещать Сан-Антонио, там живёт моя семья. У меня есть малинки семья — это только я с родителями. Мать — не работает и мой отец бизнесмэн* (L2).
- (76) **Когда он приехал в Сан-Франциско, кто-то сказал ему: Никто не даст вам работу, если у вас есть такое имя и фамилия* (L2).

Конструкция со словоформой *есть* в данных фразах имплицитно подразумевает, что у обладателя, помимо упомянутой разновидности объекта, есть еще и другая: кроме похожих голосов есть непохожие, кроме маленькой семьи, есть большая, кроме одних имени и фамилии, есть другие. В контексте тривиальных уникальных атрибутов человека (голос, имя, фамилия, семья), подобная импликация приводит к абсурдной интерпретации.

Можно при этом привести большое количество примеров, где нулевой глагол употреблен в аналогичных контекстах правильно, хотя присутствуют другие ошибки – в лексике, грамматике, орфографии. Это дает основания предположить, что правильное употребление нулевого глагола в посессивной конструкции **с названиями тривиальных уникальных атрибутов человека**, типа частей тела, имени и фамилии, семьи и пр., находится на достаточно базовом уровне языковой компетенции. Примеры ее правильного

употребления сочетаются как у эритажников, так и у студентов РКИ с многочисленными ошибками в падежах, в согласовании, в лексике; ср.:

- (77) *У этого человек голубые глаза и темно-русские волосы (HL).*
- (78) *Он лысый поверху головы, но зато у него непослушные волосы серого цвета по сторонам (L2).*
- (79) *Мои близкие, слава богу, переговорились в первых месяцев после моего возвращения, но у меня большая семья (L2).*
- (80) *Суть был в том, что врача уволили с работы по причине чего, что у него еврейская фамилия (L2).*

Несколько чаще встречаются замены нулевого глагола на *есть* в контекстах, где уникальность и тривиальность объекта являются **прагматически естественными импликатурами**, но не задаются самим лексическим классом объекта (в отличие от частей тела, имени, фамилии и пр.). Это часто происходит, когда объект принадлежит к классу ситуаций или ментальных состояний; ср. примеры ниже. В случаях замены нулевого глагола на словоформу *есть* в подобных контекстах создается впечатление не грубой ошибки, но сильной «шероховатости»; интересно, что среди авторов примеров появляется эритажный носитель:

Ситуация:

- (81) *^{??}Здесь, конечно, трудно не соглашаться, потому что «определенная ситуация» у каждого есть своя (L2).*
- (82) *^{??}Он заступал за слабых и помогал тем, кто нуждался. У каждого есть своя жизнь (HL).*
- (83) *[?]Если ты сказал «мэр», то ты прав! Но в Портленде у нас есть своя система (L2).*

Ментальное состояние:

- (84) *[?]Хотя я сказала, что я надеюсь на способность человечества стремиться к лучшему, я все-таки согласна с тем, у кого есть более негативное представление будущего России (L2).*
- (85) *[?]У Венечки есть особенное представление города Петушки (L2).*
- (86) *[?]У всех есть разные идеи о том, какие привычки полезные или вредные (L2).*

Во всех примерах более естественным было бы употребление нулевого глагола, задающего импликатуру единственности объекта (или множественности – если речь идет о парных объектах типа *глаз, рук* и пр.): действительно, у человека обычно одна жизненная ситуация, в которой он в данный момент находится, одна жизнь, одно мнение по каждому поводу, одно представление о каждом объекте. Однако здесь требование единственности не является таким прагматически категоричным, как в случае, если речь идет о *голове, о семье, об имени и фамилии*.

3.2. Ошибки вида «нулевая связка вместо выраженного глагола»

Этот тип ошибок встречается в два раза чаще, чем замена нулевого глагола выраженным, хотя изначальная гипотеза исследования состояла в том, что у студентов РКИ, в основном языке которых (английском) принято аналитическое выражение идеи обладания, использование словоформы *есть* будет доминировать над нулем. Замена выраженного глагола нулевой связкой воспринимается как прагматическая неловкость или стилистическая шероховатость, но не производит впечатления грубой ошибки. Ниже приводятся примеры замены выраженного глагола нулевым с разными лексико-семантическими классами объектов.

Ресурсы (без определения)

- (87) [?]Люди с ограниченными возможностями заслуживают шанса жить в обществе. Кроме того, если у них доступ к транспорту и другим услугам, тогда представление о них тоже может улучиться (L2).
- (88) [?]Также, у американцев обычно очень большие семьи. Это показывает, что они богатые люди, потому что у них способность иметь 2-3 машины, платить для образования и хобби детей, и им нужен большой дом (L2).
- (89) [?]Легче американцу достигнуть успех в бизнесе, потому что у него доступ к хорошим связям (L2).
- (90) [?]Итак, во втором семестре у нас возможность не только учиться, но что-то делать со знаниям русского языка (L2).
- (91) [?]Американские граждане прекрасно знают, что у них свобода говорить все угодно особенно о властях (L2).
- (92) ^{??}У них возможность говорить с иностранцами (L2).
- (93) [?]На пример у всех право на жительства и поэтому мы помогаем тех, у кого нет (L2).
- (94) [?]Однако, у ученых ресурсы и знание, которые могли бы помочь людям (L2).
- (95) [?]Я мало знаю о праве женщин в России, но у них права голосовать и работать в почти всех профессиях (L2).

В сочетаниях с названиями ресурсов и без определения замена выраженного глагола на нулевой воспринимается как более серьезная ошибка, чем с названиями ментальных состояний, а также нетривиальных атрибутов человека без определения. Дело в том, что лексический контекст ресурсов почти всегда фокусирует внимание на идее обладания, которая является центральной для семантики посессивной конструкции с выраженным глаголом, поэтому его отсутствие очень заметно.

Нижеследующие употребления воспринимаются уже как менее шероховатые, в них неадекватность заключена не в самом лексическом классе, а скорее в несоответствии выбранной конструкции коммуникативной структуре (в примерах (90)-(92) идея обладания находится в реме, что невозможно для нуля):

Иллокутивные намерения

- (96) [?]У меня вопросы, как можно поступить в университет в городе, который вы не живёте? (L2).

(97) [?]*Если у вас вопросы или советы, пожалуйста, не стесняйтесь!* (L2).

(98) [?]*Только тысяча шестьсот студентов учтутся здесь и поэтому, если у нас вопросы, наши профессора всегда помогают нас* (L2).

С названиями нетривиальных атрибутов и ментальных состояний человека граница между двумя конструкциями еще больше размывается. Есть многочисленные контексты, где могут быть употреблены обе конструкции, например, с выражением *страсть к чему-л.*; ср. *У него есть страсть к охоте* vs. *У него с детства страсть к охоте* (в НКРЯ представлены оба варианта).

При этом в первом примере несколько лучше использовать конструкцию с выраженным глаголом, поскольку в ней подчеркивается наличие особенности у человека, а во втором – конструкцию с нулевым глаголом, поскольку она является характеристикой того, какова эта особенность. Обстоятельство *с детства* «наводит» вторую интерпретацию; в отсутствие обстоятельства более естественна первая интерпретация.

Нижеследующие примеры демонстрируют употребление нулевого глагола в контекстах, которые по коммуникативному замыслу скорее привлекают внимание к **наличию** чего-либо, чем являются **характеристикой** того, каков этот имеющийся объект. Поэтому в них несколько более уместно было бы употребление выраженного глагола, хотя нулевой глагол не порождает ощущения серьезной неправильности.

Нетривиальные атрибуты и ментальные состояния человека:

(99) *Конечно у нее акцент, но она почти владеет языком* (L2).

(100) *Прежде всего у него жажда знаний* (L2).

(101) [?]*Я обычно не езжу далеко от центра города. А сегодня у нас цель!* (L2).

4. Анализ корреляций между типами правил и типами ошибок

Во-первых, как было отмечено, ошибок в употреблении посессивных конструкций у продвинутых студентов вообще встретилось немного. На 400 примеров употребления обеих конструкций встретилось 32 ошибки, т.е. процент правильных употреблений у продвинутых носителей составляет больше девяноста процентов. При этом у эритажных носителей ошибок на употребление посессивных конструкций с нулем и выраженным глаголом практически не встретилось (на 32 ошибки только одна принадлежит информанту-эритажнику), из чего можно сделать вывод, что данные конструкции усваиваются на достаточно ранних стадиях language acquisition и входят в очень базовый костяк языковой компетенции.

Заметим также, что неправильная замена конструкции с нулем на конструкцию с выраженным глаголом встречается в два раза реже, чем неправильная замена конструкции с выраженным глаголом на конструкцию с нулем; и это при том, что в основном языке информантов (английском) конструкции с нулевым глаголом вообще отсутствуют, а идея обладания выражается аналитически – глаголом *to have*.

Это свидетельствует о том, что само по себе несоответствие устройства некоторой языковой зоны в L1 и L2 не приводит к автоматической интерференции L1 в L2.

Несовпадающие компоненты усваиваются тем лучше, чем более четкими правилами регулируется их употребление, и чем на большем числе языковых уровней эти правила проявляются.

Конструкция *у X-а есть Y* маркирована семантически, коммуникативно и сочетаемостно, что выражается, в частности, в наличии строгих лексических запретов, например, невозможности употребления с названиями частей тела и обозначениями других неотъемлемых атрибутов, которые при этом являются единственными или немногочисленными.

Судя по проанализированным данным, на правильность употребления влияет именно наличие запретов, то есть отрицательные правила, которые, с одной стороны, облегчают правильное употребление, а с другой – делают совершаемую ошибку более грубой. Так, среди ошибок замены конструкции с нулем конструкцией с выраженным глаголом наименьшее число ошибок встретилось в зоне прямых запретов, где семантика конструкции вступает в прямое противоречие с семантикой существительного, заполняющего валентность объекта обладания, т.е. с названиями неотъемлемых уникальных атрибутов (**есть похожие голоса, *есть маленькая семья, *есть такое имя и фамилия*), причем эти ошибки оказались наиболее грубыми.

Ошибки замены нулевого глагола выраженным с объектами из класса ситуаций и класса нормальных ментальных состояний (*?У всех есть разные идеи о том, какие привычки полезные, ?«Определенная ситуация» у каждого есть своя*) встретились чаще, поскольку в этих семантических классах отсутствует строгий запрет на употребление конструкции с *есть*. Так, хотя в этих классах предпочтительно употребление конструкции с *есть* без определения, с определением она также иногда встречается; ср. *У меня есть большое желание ему врезать; У него есть хорошая идея по поводу нового бизнеса, но не ??У него есть большая энергия, ??У него есть правильное мнение*. Суждение о том, когда употребление этой конструкции в контексте данного семантического класса возможно при наличии определения, а когда нет, основывается на прагматических соображениях, и не может быть выражено в виде четких семантических и лексических запретов. Ошибки этого типа воспринимаются как менее грубые.

Ошибок замены выраженного глагола на нулевой встретилось больше, поскольку у конструкции с нулем запреты не являются строгими, а носят характер прагматических предпочтений. При этом, как было сказано, прагматические ошибки воспринимаются как менее грубые, чем семантические и сочетаемостные. Ошибки встретились не в зоне самой частотной для конструкции с нулем интерпретации – характеристики признака, а в зоне ее менее частотной интерпретации – указания на обладания, которая регулируется достаточно сложными прагматическими правилами (оценка (не)тривиальности объекта), в зависимости от которой не требуется или требуется определение.

Ср., например, ошибки в классах ‘ресурсы’ и ‘нормальные состояния’; где употребление без определения прагматически странно, но с определением возможно, хотя в разной степени для разных определений:

(102) ??У него возможности.

(103) [?]У него возможность помочь ей.

(104) ^{??}У него права.

(105) У всех граждан равные права

Безусловно, для более глобальных выводов о функционировании данных конструкций в сфере РКИ и в эритажном русском требовалось бы провести гораздо более масштабное корпусное исследование. Наши данные были ограничены размерами ныне существующего корпуса ошибок. Однако представляется, что даже в таком объеме исследование позволяет заметить некоторые важные тенденции, и полученная информация о соотношении правил и ошибок может оказаться полезной в изучении и преподавании русского языка как иностранного. Результаты исследования могут быть применены в создании тренажеров для разных уровней владения русским языком, с учетом тех зон, которые представляют наибольшую трудность для студентов, в первую очередь, тех употреблений конструкций, которые регулируются прагматическими правилами.

Литература.

Ю.Д. Апресян. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*). // Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995. С. 503-637.

Ю.Д. Апресян. Статья глагола БЫТЬ // Активный словарь русского языка, вып. 1 (буквы А-Б). М., 2014. С. 394-401.

Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 274-283.

Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.

А.С. Выренкова, М.С. Полинская, Е.В. Рахилина. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания, №3. 2014. с. 3-19.

Гловинская М.Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья . Общие процессы и речевые портреты. Отв. ред. Е. А. Земская. М., Языки славянской культуры. Москва- Вена, 2001, С. 341-492.

Гловинская М.Я. Новое в функционировании видо-временных форм (на материале языка метрополии и эмиграции) // Sprachwandel in der Slavia. Die Slavischen Sprachen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. Ein Internationales Handbuch (hrsg. L. Zybatov). Frankfurt am Main, 2000, С. 159-182.

Гловинская М.Я. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Slavica Helsingiensia, 24. Ред. А.

Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки 2004. С. 13-20. Гловинская М.Я. Оценка в составе речевого акта // Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. Ред. В. Н. Топоров. Языки славянских культур, М., 2005. С. 201-208.

А. Б. Летучий. Нулевая связка. // rusgram.ru, 2016.

Х.Р. Мелиг. Оппозиция «*есть* vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: Сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом *haben* в немецком языке // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.

- Е.В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 120-122.
- О.Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть*. // Вопросы языкознания. 1973, №5. С. 95-105.
- Я. Г. Тестелец. Структура предложений с невыраженной связкой // Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. М., 2008. с. 774-789.
- Т.Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- С.V. Chvany. *On the Syntax of Be-Sentences in Russian*. Slavica Publishers, 1975.
- М. Копотев: What a Difference a Verb Makes! Russian and Finnish Verbless Sentences. In: *Collocations and Idioms: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes, Joensuu, May 19–20*. Joensuu: Joensuu University Press, pp. 177–192.
- М. Копотев. Reconstruction and idiomaticity: The origin of Russian verbless clauses reconsidered. In *Folia Linguistica Historica*. 2015; 36, pp. 219–243.